

Международная экономика

Елена БУЛАТОВА

**ПОТЕНЦИАЛ РАЗВИТИЯ
ТРАНСКОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ**

Резюме

Определено и проанализировано новое направление развития интеграционных процессов современного хозяйства – трансконтинентальная интеграция, исследован потенциал ее развития на примере основных моделей региональной интеграции – европейской, североамериканской, азиатско-тихоокеанской. Предложен научно-методический подход к интегральной оценке потенциала развития интеграционных процессов, учитывающих интенсивность влияния внутренних и внешних факторов развития интеграционной взаимосвязи, применение которого для комплексного компаративного анализа потенциала развития интеграционных процессов позволяет дать обобщающую комплексную и количественную характеристику процессов региональной интеграции, происходящих в мировом хозяйстве в рамках определенных региональных моделей.

Ключевые слова

Глобальная регионализация, региональная интеграция, регионализация, трансконтинентальная интеграция, региональные интеграционные объединения, модели развития региональной экономической интеграции.

© Елена Булатова, 2014.

Булатова Елена, докт. экон. наук, профессор, Мариупольский государственный университет, Украина.

Классификация по JEL: F20, F50.

Бурное развитие процессов регионализации в мировом хозяйстве во второй половине XX века способствовало появлению новых региональных теорий, рассматривающих различные аспекты развития регионов и ставших научно-методологической основой дальнейшего исследования региональной экономики, регионализации, регионализма, регионалистики. Парадигма глобального развития активизировала исследовательский поиск, направленный на исследование взаимодействия глобализации и регионализации, развитие концепции регионального роста и планирования, региональной конкуренции, к которым относятся научные разработки А. Скотта, М. Сторпера (регионализация глобального пространства) [30, 33], Ф. Черу (концепция региона как самостоятельного актера в системе современных международных отношений) [10], Г. Снукса (глобальная стратегическая модель перехода) [32], П. Агшион, Б. Джохансона, П. Ромера и др. (теория эндогенного роста) [7, 17, 21, 28], М. Портера, Ч. Карлссона, Х. Сиберта, М. Энрайта (концепция региональной конкуренции) [11, 18, 26, 31], П. Кругмана, Э. Венайблза, М. Фудтжити (новая экономическая география) [12, 20], У. Ваннопа, М. Гедеса, Дж. Бенингтона (концепция регионального планирования и партнерства) [13, 35], М. МакДжинниса (концепция биорегионализма) [23], Дж. Новотни, А. Родригез-Позе, А. Роволиса и других (концепция конвергенции и дивергенции регионов) [25], М. Китинга, Д. Родрика, Ч. Виплоза, Б. Хеттне и других (новый регионализм) [16, 19, 27], В. Чужикова (теория глобальной регионалистики) [6], А. Спартака (концепция глобального регионализма) [4]. Несмотря на то что государства остаются главными игроками в геополитике, регионы, подчеркивает Э. Мансфилд [22], рассматриваются уже как жизненно необходимые элементы архитектуры в системе современного мирового хозяйства.

Цель данной статьи – выявить сущность нового направления развития интеграционных процессов – трансконтинентальной интеграции, определить особенности ее развития в основных моделях региональной интеграции, развивающихся в современном мировом хозяйстве, и предложить соответствующий инструментарий интегральной оценки потенциала развития интеграционных процессов, в которые вовлечены страны мира и региональные интеграционные объединения.

В результате углубления интеграции на микро-, мезо-, макро-, мега-, метауровнях между странами образуется особое межгосударственное экономическое пространство, которое становится базовой основой регионализации мировой экономики и имеет соответствующее влияние на развитие глобальной интеграции. Формирование новых экономических регионов в мировом хозяйстве уже не ограничивается такими традиционными географическими факторами, как наличие сырья или близость к рынкам. С точки зрения технологического развития, они, скорее, обусловлены наличием таких факторов, как способность к инновациям и «динамизму местных граждан, которые постоянно адаптируются, научились сочетать конкуренцию и сотрудничество» [3]. Это позволяет выделить, кроме континентальной интеграции, и такое направление развития интеграционных процессов, как *трансконтинентальная интеграция*, которая представляет собой целенаправленный процесс создания межгосударственного экономического пространства между странами, не имеющими общих границ и находящимися в разных регионах/континентах мира, в рамках которого устанавливается соответствующая форма (этап) региональной интеграции, основной задачей которой является содействие международной конкурентоспособности стран-интегрантов.

В предыдущих исследованиях обосновано, что в структуре современного мирового хозяйства сформированы определенные пространственные сегменты – регионы как подсистемы мирового хозяйства, основными из которых выступают регионы-триады и в рамках которых развиваются наиболее развитые модели региональной интеграции – европейская, североамериканская и азиатско-тихоокеанская [1, с. 176–228]. Ведущая роль в развитии трансконтинентального интеграционного взаимодействия принадлежит, в первую очередь, США, ЕС, от стратегических инициатив которых будут зависеть, в определенной степени, интеграционные процессы в странах Азии, Африки, Латинской Америки, а также характер двустороннего сотрудничества с другими мощными актерами мирового хозяйства. И хотя в основе межрегиональных диалогов находятся вопросы развития торговых отношений, на протяжении последних лет активно обсуждаются направления развития комплексного сотрудничества, охватывающего также сферу научно-технического взаимодействия, сотрудничество в энергетической сфере, развитие рынка труда, охрану окружающей среды, вопросы устойчивого развития в целом, а также политические вопросы (противодействие терроризму, нарушение прав человека, наркобизнес, киберпреступность и т. д.).

Европейская модель региональной интеграции. Некоторое ослабление позиций ЕС в мировом хозяйстве требует определения соответствующих приоритетов интеграционной составляющей стратегии развития объединения, что связано не только с углублением внутрирегиональных интеграционных процессов (внутреннее проявление интеграционной составляющей), но и с учетом влияния процессов глобальной интеграции, кото-

рая, в свою очередь, требует большей открытости и взаимовыгодных условий сотрудничества на внешних рынках основных будущих партнеров ЕС (внешнее проявление интеграционной составляющей развития).

Внешнее проявление интеграционной составляющей развития ЕС связано с расширением интеграционной взаимосвязи со странами-соседями объединения, в первую очередь через реализацию европейской политики соседства (*European Neighbourhood Policy, ENP*), а также с развитием трансконтинентального интеграционного взаимодействия с участием ЕС для обеспечения высокой международной конкурентоспособности объединения в мировой экономике. Политика соседства реализуется по нескольким векторам: Северное измерение (с 1999 года), Восточное партнерство (с 2009 года), Евросредиземноморское партнерство или Средиземноморский союз (с 2008 года, до этого – Барселонский процесс) и проект Черноморской синергии (с 2008 года), и направлена на развитие привилегированных отношений между ЕС и странами-соседями, основанных на взаимной склонности к общим ценностям.

Приоритетным направлением сотрудничества в рамках проекта Северного измерения (*Northern Dimension, ND*) является развитие инфраструктуры (транспортной, коммуникационной, энергетической), охрана окружающей среды, сотрудничество в сфере образования и науки, развитие торговли и инвестиций, общая борьба с преступностью и сотрудничество с целью безопасности. В рамках проекта реализуется несколько инициатив: экологическое партнерство Северного измерения, партнерство в сфере охраны здоровья и социальной защиты, партнерство в сфере транспорта и логистики, партнерство в сфере развития культуры и т. д.

Восточное партнерство охватывает шесть стран (Армения, Азербайджан, Беларусь, Грузия, Молдавия и Украина), имеет многосторонний характер и включает в себя шесть важнейших сфер взаимодействия ЕС со странами-партнерами, каждая из которых, в свою очередь, предусматривает конкретные направления сотрудничества по направлениям: демократия, управление и стабильность; экономическая интеграция и сближение с политикой ЕС; энергетическая безопасность; контакты между людьми; взаимосвязь с другими заинтересованными сторонами и горизонтальное сотрудничество.

Политика и практика реализации программ Восточного партнерства создает условия для ускорения политического объединения и углубления экономической интеграции между ЕС и странами-партнерами Восточной Европы, в том числе за счет создания всеохватывающей зоны свободной торговли (*Deep and Comprehensive Free Trade Areas, DCFTAs*), формирование которой будет содействовать углублению либерализации торговли и инвестиций, приближенных к стандартам ЕС. Интеграционное взаимодействие стран-партнеров ЕС в рамках Восточного партнерства отличается и будет зависеть от характера развития переговорного процесса в соответствующих сферах каждой страны.

Средиземноморское партнерство (*Euro-Mediterranean Partnership, EUROMED*) охватывает шестнадцать стран Северной Африки и Ближнего Востока, которые находятся на юге EU. Развитие интеграционного взаимодействия по этому вектору развивается в рамках соответствующих Евросредиземноморских соглашений об ассоциации, заключенных между EU и странами региона, действие которых направлено на общую реализацию региональных и субрегиональных проектов в сфере экономики, окружающей среды, энергетики, здравоохранения, миграции, культуры и туризма и т. п. Дорожной картой развития Евросредиземноморской торговли (2010 г.) предусмотрено завершить заключение соглашений в регионе (по типу Север-Юг и Юг-Юг); реализовать конкретные инициативы по развитию региональных соглашений типа Юг-Юг.

Проект Черноморской синергии (*Black Sea Synergy*), направлен на углубление сотрудничества EU со странами региона, который охватывает различные группы: Греция, Румыния, Болгария – страны-члены EU, Турция – кандидат на присоединение к EU, шесть постсоветских стран – Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Россия, Украина. Фактически, подход EU состоит из нескольких направлений [8, с. 16–17]: во-первых, EU стимулирует региональное экономическое сотрудничество и развитие интеграции путем демократических реформ, укрепления институционального потенциала, восстановления экономики и создания сильного гражданского общества; во-вторых, развитие взаимодействия происходит на двусторонней основе, которая влияет на динамику регионализма; кроме того, EU реализует дифференцированную стратегию по отношению к России, Турции и странам-партнерам в рамках Европейской политики соседства, а отсюда – разное отношение со стороны последних к европейским инициативам. Регион Черного моря имеет особое значение для развития EU. Развитие Черноморской зоны экономического сотрудничества (*Black Sea Economic Cooperation, BSEC*) призвано обеспечить стабильность развития государств-участниц, которые только вступили в первую фазу развития регионального сотрудничества.

Политика соседства, которую реализует EU (особенно это касается программ Восточного партнерства, Черноморской синергии, Евросредиземноморского партнерства), фактически, позволяет идентифицировать соответствующую «европеизацию» стран региона. Речь не идет об однозначном расширении интеграционного объединения, но через конкретные региональные программы сотрудничества EU способствует проведению реформ в этих странах, модернизации их экономик, институциональному развитию в соответствии с европейскими нормами и принципами.

Глубокая интеграция в рамках EU стала важным условием развития международной конкурентоспособности европейских производителей на внешних рынках. Ситуация на мировых рынках требует адекватного реагирования и принятия соответствующей стратегии интеграционного развития

с другими странами мира, без чего невозможно усилить позиции национальных компаний на международных рынках, повысить их конкурентоспособность. Размер рынка EU предусматривает значительное влияние на характер развития двусторонних торговых переговоров. EU является открытой экономикой с высокоэффективными рыночными механизмами, которые должны оказывать положительное влияние на повышение благосостояния бизнеса и потребителей в странах объединения. Все это является привлекательным фактором для развития партнерских отношений с EU.

В условиях, когда многосторонняя система регулирования торговых отношений не в состоянии решить эти вопросы, значение развития региональных интеграционных процессов будет только усиливаться, следовательно, EU будет развивать интеграционное взаимодействие со странами не только европейского региона, но и со всеми партнерами, имеющими стратегическое значение для развития конкурентоспособности европейской экономики в условиях глобальной интеграции. Подтверждением этого является тот факт, что из 32 региональных торговых соглашений, заключенных от имени всего Евросоюза, лишь треть непосредственно связана со странами, которые географически относятся к европейскому континенту. 20 соглашений имеют трансконтинентальный характер, они заключены со странами Азии, Африки, Латинской Америки. Основная часть этих соглашений (3/4 от общего количества) была заключена в течение 2000 – первой половины 2012 годов [37]. Кроме того, уже анонсированы новые региональные инициативы с участием EU, две из которых также имеют трансконтинентальный характер (имеются в виду региональные соглашения с Канадой и с Индией). Значительная часть региональных соглашений трансконтинентального характера наблюдается и в EFTA, они составляют 72,7 % от общего количества (16 из 22 региональных соглашений). Реализуя стратегическую задачу развития международной конкурентоспособности, EU активно развивает интеграционное взаимодействие со странами, находящимися в различных регионах, что позволяет идентифицировать формирование европейской континентальной и трансконтинентальной модели региональной интеграции.

Североамериканская модель региональной интеграции. Формирование континентального и трансконтинентального направлений развития региональной интеграции с участием стран NAFTA, как и для стран EU, предусматривает два направления: с одной стороны, расширение региональной интеграции непосредственно внутри интеграционного объединения (внутреннее проявление интеграционной составляющей стратегии развития), а с другой – формирование американского континентального рынка и развития трансконтинентальной интеграции (внешнее проявление интеграционной составляющей стратегии развития).

Континентальное направление развития североамериканской модели региональной интеграции связано с расширением интеграционного взаимо-

действия стран NAFTA со странами Латинской Америки, имеющими важное стратегическое значение, в первую очередь, для США, политика которых направлена на дальнейшее обеспечение мирового лидерства страны. Установление режима свободной торговли в рамках всего континента для США фактически будет означать более выгодные условия, чем для всех остальных участников континентального рынка. С учетом того, что страны региона имеют значительное количество интеграционных соглашений, заключенных со странами, относящимся к другим регионам мира, расширение североамериканской модели региональной интеграции (с выходом ее на континентальный и трансконтинентальный уровень) способно обеспечить влияние со стороны США и на другие регионы. Характерной особенностью расширения североамериканской интеграции является то, что соглашением о создании NAFTA предусмотрена возможность присоединения к интеграционному объединению новых стран (по типу NAFTA+), в то же время на практике это не происходит, хотя и США, и Канада, и Мексика по отдельности активно заключают соглашения о создании зон свободной торговли со странами Латинской Америки (кроме Кубы).

Важным направлением развития североамериканской модели региональной интеграции является создание Американской зоны свободной торговли (*Free Trade Area of the Americas, FTAA*) охватывающей 34 страны Северной и Южной Америки, то есть практически все страны, которые входят в MERCOSUR, ANCOM, CARICOM, CACM, NAFTA т. д. Именно такое образование может иметь наибольший уровень взаимодополняемости.

С учетом различных интересов, с одной стороны, США, с другой – латиноамериканских стран, идею создания единой на континенте зоны свободной торговли предлагалось реализовать двумя путями: по американскому варианту или по бразильскому [2, 4]. США предложили для создания FTAA еще в 1990 году «Инициативу для Америк» (*Enterprise for the Americas Initiative – EAI*), которая предусматривала таможенную либерализацию, минимизацию государственных стандартов в части лицензирования отдельных услуг, создание прозрачного рынка государственных закупок, внедрение режима регулирования иностранных инвестиций с минимальными исключениями по национальному законодательству, внедрение режима недискриминации и свободной конкуренции. Соглашение охватывало следующие направления: сельское хозяйство, государственные закупки, инвестиции, доступ на рынки, субсидии, компенсационные платежи, антидемпинг, разрешение споров, услуги, защита прав интеллектуальной собственности, конкурентная политика. Развитие переговорного процесса по FTAA фактически было заблокировано в 2005 году со стороны Венесуэлы и стран MERCOSUR (хотя саму идею создания единого континентального рынка странами Латинской Америки не отклонили), которые в 2008 году предложили свое видение развития процессов региональной интеграции – «Пути к процветанию в Америке» (*Pathways to Prosperity in the Americas*). Эта ини-

циатива была поддержана США, Канадой, Мексикой, Чили, Колумбией, Коста-Рикой, Доминиканской Республикой, Сальвадором, Гватемалой, Гондурасом, Никарагуа, Панамой, Перу, Уругваем, Белизом. Страны Тринидад и Тобаго имеют статус наблюдателей, а стратегическими партнерами проекта стали Межамериканский банк развития (*Inter-American Development Bank, IDB*), Организация американских государств (*Organization of American States, OAS*) и Экономическая комиссия ООН для Латинской Америки и Карибского бассейна (*Economic Commission for Latin America and the Caribbean, ECLAC*).

Создание ФТАА вызвано не столько географическим фактором расширения, сколько необходимостью и возможностью развития интеграции, контролируемой США, о чем свидетельствуют материалы доклада Национального разведывательного совета США [14, с. 15], в котором подчеркнуто, что, если США не смогут обеспечить широкий доступ к рынкам региона на постоянной основе, они потеряют свою традиционную привилегию в латиноамериканском регионе с соответствующим падением политического влияния. С другой стороны, страны Латинской Америки, пытаются минимизировать монополию США на континенте, в том числе за счет активного доступа на рынки США, привлечения иностранных капиталов и технологий, что должно способствовать достижению макроэкономической стабильности и экспортоориентированному развитию стран региона.

Развивая интеграционное взаимодействие со странами мира, члены NAFTA направляют усилия на установление лидирующих позиций на взаимовыгодных и паритетных началах, прежде всего, для американского и канадского бизнеса, на внешних рынках. Для этого страны NAFTA используют механизм самостоятельного заключения интеграционных соглашений. Именно этим объясняется активизация и расширение практики заключения региональных соглашений не только континентального, но и трансконтинентального характера, причем и США, и Канада, и Мексика активно развивают интеграционное взаимодействие и по типу Север-Север и по типу Север-Юг.

Среди стран NAFTA наибольшее количество действующих региональных торговых соглашений по состоянию на середину 2012 года приходится на Мексику – 16, из которых каждое четвертое имеет трансграничный характер (с ЕФТА, ЕУ, Японией и Израилем). Другие соглашения предусматривают расширение и углубление регионального сотрудничества со странами Латинской Америки. Из 13 региональных торговых соглашений, которые сегодня заключены с участием США, трансграничный характер имеют 8 (с Австралией, Бахрейном, Израилем, Иорданией, Южной Кореей, Марокко, Оманом, Сингапуром). Для Канады количество региональных торговых соглашений составляет 7, в том числе трансграничного характера – 2 (ЕФТА и Израилем). Практически все эти соглашения (за исключением соглашения о создании зоны свободной торговли между Канадой и Чили, введенного в действие в 1997 году) были заключены в течение последних де-

сяти лет. Среди 7 анонсированных Канадой новых региональных торговых соглашений 4 также имеют трансконтинентальный характер и предусматривают развитие интеграционного взаимодействия с Сингапуром, Украиной, ЕС, Иорданией.

Среди основных стран-партнеров США, с которыми заключены соответствующие соглашения, большинство относится к развивающимся странам, в отношении которых США реализуют собственные политические, экономические интересы с точки зрения их влияния. Критерии отбора США классифицируются по четырем достаточно широким категориям, которые в отдельных аспектах даже перекрывают друг друга [29]: влияние на внутреннюю политику, экономическая политика, обязательства стран-партнеров для национальных, региональных и многосторонних торговых реформ, цели внешней политики.

Американские инициативы по развитию зон свободной торговли с развивающимися странами направлены на создание новых двусторонних торговых и инвестиционных возможностей по углублению интеграции между странами-партнерами, хотя и имеют определенные региональные особенности. Переговоры с африканскими странами осложняются тем, что эти страны не в состоянии эффективно интегрировать между собой и взять на себя обязательства в проведении реформ, необходимых для полной реализации содержания других соглашений о свободной торговле. Кроме того, объемы американской торговли и инвестирования довольно незначительны для этого региона. Инициативы США на Ближнем Востоке также усложняются из-за недостаточного уровня экономических реформ со стороны потенциальных партнеров США, развития региональной интеграции с государствами-соседями. С другой стороны, более высокий уровень внутрирегиональной интеграции создает качественно новые возможности для развития интеграционного взаимодействия США со странами ASEAN.

С развитыми странами сотрудничество США охватывает более широкий круг положений, нежели это определено классическим содержанием соглашения о свободной торговле, и касается не только вопросов развития свободной торговли, но и вопросов гармонизации процедур государственных закупок, защиты прав интеллектуальной собственности, сотрудничества в области окружающей среды, регулирования рынков труда и т. п.

Трансконтинентальной по содержанию и многосторонней по количеству участников может стать в будущем *зона свободной торговли между США и ЕС* [24], которые являются крупнейшими партнерами в мире и между которыми постепенно начал развиваться диалог по комплексному сотрудничеству, выходящему за рамки либерализации торговли товарами. Предполагается, что свободный режим будет касаться также торговли услугами, инвестиционной деятельности, направленной на обеспечение открытости рынков, гармонизации и признания соответствующих технических регла-

ментов, норм, правил и стандартов. Существенное значение может приобрести и гармонизация политики в отношении третьих стран.

Таким образом, распространение и углубление интеграционного взаимодействия североамериканских, латиноамериканских стран, стран Карибского бассейна формируют основу для развития американской континентальной и трансконтинентальной модели региональной интеграции. Эта идея полностью согласуется с целью формирования единого американского рынка, постепенно внедряемой США, поддерживающих развитие Американской зоны свободной торговли, которая объединит все страны Южной, Центральной и Северной Америки.

Азиатско-тихоокеанская модель региональной интеграции. Развитие интеграционной составляющей стратегии стран ASEAN, как и в других моделях региональной интеграции, включает углубление интеграционных процессов непосредственно среди стран ASEAN (внутреннее проявление интеграционной составляющей стратегии развития), а также расширение интеграционного взаимодействия с другими странами региона в рамках континентального направления развития региональной интеграции и с другими странами мира на основе трансконтинентальной модели региональной интеграции (внешнее проявление интеграционной составляющей стратегии развития).

Сегодня в азиатско-тихоокеанском регионе не существует ни одного интеграционного объединения, которое охватывало бы все страны региона. Кроме того, отсутствие четкой стратегии по формированию регионального интеграционного объединения со стороны лидера региона – Японии – также повлияло на характер развития процессов региональной интеграции (в отличие от активной позиции в развитии североамериканской модели региональной интеграции со стороны США и стран, формирующих интеграционное ядро европейской модели). Во многом это связано с тем, что Япония долгое время предпочитала неглубокую интеграцию, не выходящую за пределы зоны свободной торговли.

Страны развивают интеграционное взаимодействие между собой для достижения определенных целей. Так, развивающиеся страны, в первую очередь, имеют целью получение дополнительных ресурсов и доступов к рынкам через совершенствование системы политического и экономического управления, обеспечения безопасности и т. п. Более мощные игроки на рынке (в первую очередь, Япония и Китай) через интеграционные механизмы решают вопросы обеспечения регионального лидерства с использованием региональных механизмов в инвестиционной, антидемпинговой и конкурентной политике. Появление новых мощных региональных лидеров – Китая и Южной Кореи – вряд позволят Японии быть лидером в реализации региональных интеграционных инициатив. В то же время, каждая страна региона заинтересована в создании преференциальных условий для эконо-

мического сотрудничества, именно этим объясняется бурное развитие региональных интеграционных инициатив в последние годы.

Исторически сложилось так, что наиболее развитые страны в регионе – Китай и Япония – имеют разные интересы и позиции по экономическим вопросам. Отсутствие прогресса в китайско-японском диалоге на высшем государственном уровне будет существенно сдерживать развитие региональной экономической интеграции стран Азиатско-Тихоокеанского региона [15, с. 121]. Для уменьшения лидерства этих стран другие страны Азиатско-Тихоокеанского региона привлекают внерегиональных партнеров. Следовательно, геополитические факторы и в дальнейшем будут достаточно весомыми для развития интеграционных процессов в регионе.

Дальнейшее интеграционное развитие стран региона связано с созданием до 2020 года на базе ASEAN Восточноазиатского экономического сообщества (*East Asian Economic Community*), развитие которого предполагает несколько вариантов: ASEAN + 1, ASEAN + 3, ASEAN + 6. С точки зрения перспектив расширения ASEAN, важное значение имеет подписанное в ноябре 2004 года соглашение о создании в течение десяти лет зоны свободной торговли ASEAN + 1 (ASEAN и Китай), которая в таком формате создает новые возможности для развития производственных сетей. В свою очередь, развитие вертикальной интеграции (особенно в сфере высокотехнологичных производств) обеспечит эффективное распределение труда и капитала в регионе [36]. Кроме торгово-экономического сотрудничества, основными сферами сотрудничества выступают сельское хозяйство, телекоммуникации, трудовые ресурсы, инвестиции, освоение бассейна реки Меконг. С точки зрения существенного усиления геоэкономического и геополитического значения Китая в последние годы, можно утверждать, что дальнейшее развитие интеграционных процессов в регионе, с одной стороны, будет находиться под давлением интересов именно этой страны, а с другой стороны, противоречия между странами региона, которые рассматривают Китай как некую угрозу, и непосредственно Китаем будут обостряться. Именно поэтому либерализация торговли и инвестиции будут способствовать сбалансированному региональному развитию.

Развитие сотрудничества в рамках ASEAN + 3 (ASEAN и Япония, Китай и Южная Корея), начатое в 1997 году, направлено на укрепление и углубление восточноазиатского сотрудничества на различных уровнях и в различных областях, особенно в экономической, социальной и политической сферах. Реализация проекта ASEAN + 3 направлена на создание восточной зоны свободной торговли (*East Asia Free Trade Agreement, EAFTA*), охватывающей все развитые страны региона. Более расширенный формат направлен и на большее количество сфер, которые значительно расширяют формат торговой интеграции: дипломатия, финансы, сельское хозяйство, трудовые ресурсы и занятость, туризм, охрана окружающей среды, культура, борьба с преступностью, здравоохранение, энергетика, телекоммуника-

ции, инновации, государственное управление и др. Странами группы ASEAN + 3 уже накоплен опыт и постепенно реализуются совместные действия в сфере финансовой интеграции через координацию действий на пути укрепления стабильности региональной финансовой системы, обеспечение устойчивого развития стран региона. Группой уже сегодня реализуется Chiang Mai инициатива, которая заключается в создании системы многосторонних валютных свопов на основе взаимных договоренностей между странами группы. В рамках этой инициативы и с целью предотвращения финансовых кризисов (подобных кризису 1997–1998 годов) странами группы создан антикризисный фонд, благодаря которому обеспечивается регулирование ликвидности стран.

Развитие направления ASEAN + 6 (ASEAN и Япония, Китай, Южная Корея, Индия, Австралия и Новая Зеландия) предусматривает углубление экономического партнерства (*Closer Economic Partnership in East Asia, CEPEA*), направленного на создание зоны свободной торговли между 16 странами Восточной и Юго-Восточной Азии. С каждым из партнеров ASEAN в рамках указанных направлений расширения уже заключены соответствующие соглашения о зоне свободной торговли.

Соглашение о комплексном экономическом партнерстве между ASEAN и Японией введено в действие с декабря 2008 г. В отличие от Китая и Южной Кореи, Японией сначала были заключены двусторонние соглашения о создании зон свободной торговли со странами ASEAN, а уже потом – с интеграционным объединением в целом. Вызвано это было стратегическими приоритетами развития японского бизнеса, который имеет разветвленную сеть производств и поставок в странах ASEAN. В 2010 году введены в действие соглашения о развитии торговли услугами и инвестировании, однако действующие соглашения не охватывают положения прав интеллектуальной собственности, конкуренции и государственных закупок. Реализация договорных обязательств характеризуется значительной неоднородностью тарифных сокращений между странами и категориями продуктов, которые распределены на пять групп: товары, в отношении которых тарифы устраняются немедленно; тарифы устраняются в течение определенного времени; без сокращений; специальные соглашения и другие. Следует отметить, что развитие интеграционного взаимодействия в рамках ASEAN–Япония несколько усложняется из-за некоторой несогласованности присоединения к зоне свободной торговли с Японией на двусторонней основе отдельных стран – членов ASEAN. Имея двусторонние соглашения с Японией о создании зоны свободной торговли, Индонезия и Филиппины еще не присоединились к соответствующему соглашению, заключенному со стороны ASEAN в целом, и наоборот, Лаос и Мьянма не имеют двусторонних соглашений с Японией, но принимают участие в общеинтеграционном соглашении. Поскольку, согласно японским нормам права, все эти соглашения являются равноценными, то японским компаниям рекомендуется выбирать ту зону свободной торговли, которая наиболее соответствует интересам бизнеса.

Соглашение о создании зоны свободной торговли между ASEAN и Южной Кореей вступило в силу в мае 2009 года для услуг, с 2010 года – для товаров. С 2009 года также введено в действие соглашение об инвестициях. Подписание соглашения имело важное значение для обоих партнеров с точки зрения наличия разветвленной региональной производственной сети, созданной системой южнокорейских ТНК в странах ASEAN. Способствовали заключению данного соглашения и принятые ранее соответствующие договоренности о создании зон свободной торговли ASEAN с Китаем и Японией. Соглашение о создании зоны свободной торговли между ASEAN и Южной Кореей не содержит положений о правах интеллектуальной собственности, конкурентной политики, государственных закупках и т. д.

Активное вовлечение в трансконтинентальные интеграционные процессы способствует одновременному развитию нескольких интеграционных направлений стран Азиатско-Тихоокеанского региона. Кроме уже существующих форм региональной интеграции после финансового кризиса 1997–1998 гг., ускорили развитие новые формы интеграционного взаимодействия, которые позволяют привлечь внерегиональных игроков для достижения сбалансированности между всеми участниками и обеспечения более широкого спектра управления и либерализации для стран региона. Наиболее активное участие в этих процессах принимают Австралия, Новая Зеландия, Япония, Сингапур, Китай, Индия и т. д.

Исторически развитие региональных инициатив было очень сдержанным со стороны Японии. Фактически, процесс вовлечения страны в интеграционные инициативы начался только в середине 1990-х годов. Сегодня правительство Японии решило абсолютно «открыть страну» и стать «пионером нового будущего», поддерживающим высокий уровень экономического сотрудничества с крупными торговыми странами, реализовывая фундаментальные внутренние реформы с целью укрепления конкурентоспособности японской экономики в мире. Сегодня можно признать активную лидерскую позицию со стороны Японии в строительстве новой азиатской экономической архитектуры [9]. В 2010 году в стране определены основы политики по комплексному экономическому сотрудничеству (*Basic Policy on Comprehensive Economic Partnerships*), в которой акцентировалось внимание на расширение сотрудничества именно с развивающимися странами Азии. Фактически, Япония признает за собой ведущую роль в активном развитии двусторонних соглашений об экономическом партнерстве в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Относительно основных стран и регионов, находящихся за пределами Азиатско-Тихоокеанского региона, направления экономического партнерства Японии фактически охватывают три вектора: страны Азиатско-Тихоокеанского региона; основные страны и регионы за пределами региона; прочие страны и регионы. Для Азиатско-Тихоокеанского региона основной задачей становится развитие регионального экономического партнерства

Китай-Япония-Корея в рамках Восточноазиатского соглашения о свободной торговле (*East Asian Free Trade Agreement, EAFTA*), а также проекта комплексного экономического партнерства в Восточной Азии (*Comprehensive Economic Partnership in East Asia, CEPEA*).

Основным стратегическим партнером, с которым постепенно обсуждаются возможности вступить в переговоры в ближайшее время и который находится за пределами региона, выступает ЕС, для чего правительство Японии начало реформирование системы внутренних нетарифных инструментов регулирования торговли. Среди других перспективных регионов для сотрудничества Япония признает страны Персидского залива. Для всех остальных стран Япония предусматривает развитие экономического партнерства на основе комплексной оценки всех преимуществ сотрудничества не только с экономической, но и со стратегической точки зрения.

Непосредственно ASEAN как объединением заключено 6 региональных торговых соглашений, которые распространяют сферу своего влияния непосредственно на азиатско-тихоокеанский регион. Однако страны, которые сегодня входят в состав ASEAN, активно развивают интеграционное взаимодействие со странами других регионов. Так, непосредственно Сингапуром заключено 19 региональных соглашений, из которых 5 имеют трансконтинентальный характер. Уже идет переговорный процесс по трем новым анонсированным региональным соглашениям трансконтинентального характера с участием Сингапура и Канады, Коста-Рики, а также Украины.

Постепенно расширяют интеграционное сотрудничество в рамках континентального направления и другие страны ASEAN: с участием Малайзии, Таиланда заключено по 11 региональных торговых соглашений, Таиландом заключено 9 соглашений, по 8 сделок имеют Бруней, Индонезия, Лаос, Вьетнам.

Активно развивают континентальное и трансконтинентальное направления развития региональной интеграции и другие экономические центры Азиатско-Тихоокеанского региона: из 13 региональных интеграционных соглашений, заключенных при участии Японии, 4 имеют трансграничный характер (соглашения с Мексикой, Перу, Чили, Швейцарией). Южная Корея подписала 11 региональных торговых соглашений, из которых соглашения с Перу, США, Чили, ЕС и EFTA имеют трансконтинентальный характер. Постепенно расширяет свое участие в процессах региональной интеграции и Китай, с участием которого заключено 10 региональных торговых соглашений, среди которых 4 – трансконтинентального характера – с Коста-Рикой, Пакистаном, Перу, Чили. Кроме того, уже анонсированы региональные соглашения с Норвегией и Швейцарией.

Экономическое развитие региона зависит также от влияния Межправительственного форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (*Asia-Pacific Economic Cooperation, APEC*). Деятельность форума

направлена на развитие механизма гармонизации региональных правил, норм и стандартов. Стратегическая цель форума – либерализация торговли и инвестиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе в 2020 году, охватывающая три основные сферы: непосредственно торговую и инвестиционную либерализацию, продвижение бизнеса, а также экономическое и техническое сотрудничество. Участниками данного объединения является 21 страна, расположенная в различных регионах мира, соответственно, можно отметить, что эта организация имеет трансконтинентальный характер. Однако такой разный состав участников порождает сильное противоречие интересов, что сказывается на эффективности деятельности организации. Поэтому создание зоны свободной торговли в рамках данного объединения во многом будет зависеть от позиций и приоритетов США, Японии и Китая, вовлеченных и в другие интеграционные процессы, в том числе и альтернативные.

Транс-Тихоокеанское стратегическое экономическое партнерство (*Trans-Pacific Strategic Economic Partnership agreement, TPP*) является принципиально новым направлением развития трансконтинентальной интеграции. Предложенную Сингапуром, Чили, Новой Зеландией и Брунеем, эту идею в сентябре 2008 г. поддержали Соединенные Штаты. Позже, к соглашению о развитии стратегического партнерства присоединились также Австралия, Малайзия, Перу, Вьетнам, намерения о присоединении есть и со стороны Канады, Японии, Мексики [34]. Этим соглашением фактически основано развитие трансконтинентальной интеграции на многосторонней основе, которую активно продвигают США, поскольку усиление роли стран Азии в мировой экономике стало существенным толчком в развитии конструктивного диалога по торгово-экономическим вопросам для недопущения дискриминации по отношению к США. Соглашение включает в себя основные вопросы, которые традиционно встречаются в региональных торговых соглашениях, в том числе вопросы торговли промышленной продукцией, сельского хозяйства, текстиля, а также правила по интеллектуальной собственности, технические барьеры в торговле, вопросы труда и окружающей среды, развития конкурентной политики, положения, касающиеся торговли инновационными товарами и услугами, в том числе цифровыми технологиями. Особенностью указанной сделки (что не является типичным для других региональных торговых соглашений) является включение вопросов, касающихся развития более совместимых систем регулирования бизнеса, особенно малого и среднего, как ключевого ресурса инноваций и создания новых рабочих мест, что фактически позволит расширить доступ американских компаний на рынки стран-партнеров, с одной стороны, а с другой – позволит более активно участвовать в международной торговле предприятиям стран-партнеров.

Последний финансово-экономический кризис 2008–2009 гг. фактически подтвердил развитие всех региональных интеграционных инициатив в

двух направлениях: Восточно-Азиатское (*East Asian Community*), с одной стороны, а с другой – Азиатско-Тихоокеанское (*Asia Pacific Community*). Они связаны с развитием региональной интеграции, однако их содержание, а также состав участников окончательно не определены. Можно сказать об определенной «чаше спагетти» в азиатском регионе, поскольку количество интеграционных соглашений довольно значительно и охватывает широкий состав участников.

Страны-члены ASEAN зависят от процессов микроэкономической динамики, связанных с регионализацией производственного процесса восточно-азиатских и японских ТНК. С учетом этого, ASEAN + 3 (Китай, Япония и Южная Корея) является более перспективным с точки зрения формирования эффективной институциональной основы дальнейшего развития азиатско-тихоокеанской модели региональной интеграции. Наиболее вероятным является развитие некоторых элементов общего рынка (свободное движение капитала, рабочей силы), применение нулевых тарифов во внутрирегиональной торговле с дополнительным общим внешним тарифом, что позволяет говорить об использовании ограниченной формы общего рынка (формат «общий рынок минус»), механизм развития которого направлен на создание полностью интегрированного рынка, в котором отдельные регионы оставляют глубокую интеграцию на более поздний период.

Таким образом, расширение интеграционных процессов в Азиатско-Тихоокеанском регионе, охватывающем формирование субрегиональных, межрегиональных трансрегиональных объединений на принципах открытого регионализма, углубление азиатской солидарности и распространение общеазиатских ценностей, определяет азиатско-тихоокеанскую континентальную и трансконтинентальную модель региональной интеграции, характер которой зависит от внутрирегионального сотрудничества, которые будут определять Япония, Китай, Южная Корея и страны ASEAN.

Стратегия интеграционного развития стран мира содержит две составляющие, которые акцентируют внимание: во-первых, на особенностях и направлениях углубления интеграционного взаимодействия непосредственно в пределах уже созданного интеграционного объединения (внутрирегиональная составляющая), во-вторых, на определении направлений интеграционной политики относительно других стран, которые вовлекаются в интеграционное взаимодействие в рамках континентальной и трансконтинентальной модели (внешняя составляющая).

Углубление и расширение интеграции будет зависеть от оптимального использования потенциала развития интеграционных процессов, который существенно различается по основным моделям региональной интеграции. Необходимость комплексного учета направления и интенсивности воздействия многих факторов (как внутренних, так и внешних) обуславливают целесообразность применения для оценки потенциала развития интеграционных процессов именно интегральных показателей, которые предоставят

обобщающую комплексную и количественную характеристику процессов региональной экономической интеграции, происходящих в мировом хозяйстве на определенный момент времени.

Для оценки потенциала развития региональных интеграционных процессов предлагается использование *интегрального показателя потенциала развития интеграционных процессов*. Для его построения необходимо ввести соответствующие обозначения и объяснения. Пусть существует в мировом хозяйстве на определенный момент времени совокупность из m интеграционных группировок, уровень развития которых характеризуется системой с n параметров (единичных показателей). Обозначим их через $X_i = (x_{i1}, x_{i2}, \dots, x_{ij}, \dots, x_{in})$, где i – индекс интеграционной анализируемой группировки ($i = \overline{1, m}$), j – индекс единичного показателя, характеризующего интеграционное взаимодействие ($j = \overline{1, n}$). Соответственно, x_{ij} представляет собой значение показателя j для интеграционной группировки i .

Важными методическими вопросами при построении интегральных показателей являются: во-первых, формирование системы единичных показателей (параметров), которые адекватно и полно описывали бы состояние развития процессов региональной экономической интеграции; во-вторых, выбор формы самого интегрального показателя, который на основе построенной системы единичных показателей предоставит их обобщенную оценку.

При решении первой проблемы в качестве единичных параметров могут рассматриваться соответствующие систематизированные показатели, дающие оценку глубине интеграционного взаимодействия стран мира. Систематизация и классификация системы единичных показателей доказывает, что уровень развития интеграционных процессов обуславливается, с одной стороны, внутрорегиональными факторами, которые определяют масштабы, глубину и специфику развития интеграционного взаимодействия в рамках существующих региональных интеграционных объединений, а с другой стороны – действием внешних факторов, характеризующих место и роль интеграционной группировки в общемировых процессах. Выбор указанных показателей основан на результатах корреляционно-регрессионного анализа, результаты которого приведены в таблице 1 приложения. Сформированная система единичных параметров, образующих интегральный показатель, приведена в табл. 1.

Для приведения всех сравниваемых единичных параметров необходимо проведение их стандартизации, что позволит объединить их в интегральном показателе. Расчет стандартизованных оценок может быть осуществлен по формулам:

$$P_{ij} = \frac{x_{ij} - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \quad (1)$$

$$P_{ij} = \frac{x_{\max} - x_{ij}}{x_{\max} - x_{\min}} \quad (2)$$

где x_{ij} – значение единичного показателя j для интеграционной группировки i ,
 $x_{\min}$, $x_{\max}$ – соответственно, минимальное и максимальное значения единичного показателя j .

Таблица 1

Формирование системы единичных показателей

Внутрирегиональные факторы		Внешние факторы	
Внутрирегиональная торговля (экспорт) на душу населения, долл. США	X_{Intra}	Удельный вес региональной торговли интеграционного объединения в мировой торговле, %	X_{IntraS}
Удельный вес внутрирегиональной торговли в совокупном объеме внешне-торгового оборота, %	ITS	Удельный вес инвестиций интеграционного объединения в мировых объемах инвестиций, %	$FDIS$
Доля ИСТ внутрирегионального экспорта, %	$X_{Intra\ ICT}$	Доля ВВП интеграционного объединения в мировом ВВП, %	$GDPS$
Показатель инвестиций на душу населения, долл. США	FDI	Удельный вес населения интеграционного объединения в населении мира, %	$PopS$
ВВП интеграционного объединения на душу населения, долл. США	GDP	Удельный вес ИСТ экспорта интеграционного объединения в мировом экспорте ИСТ, %	X_{ICTS}

Расчет стандартизированных оценок по формуле (1) используется в том случае, если увеличение конкретного параметра приводит к увеличению самого интегрального показателя (*показатель-стимулятор*). Если, наоборот, при увеличении единичного параметра итоговая интегральная оценка уменьшается (*показатель-дестимулятор*) должна применяться формула (2). Очевидно, что отдельные единичные показатели, описывающие различные аспекты развития интеграционного взаимодействия, не в

равной степени влияют на его общее состояние, как следствие, при построении интегрального показателя оценки потенциала развития интеграционных процессов необходимо определить значимость каждого из выделенных единичных показателей, т. е. коэффициенты весомости α_{ij} .

Что касается проблемы выбора формы интегрального показателя, то наиболее широко в научных исследованиях при построении обобщающих показателей используются различные виды средних взвешенных величин: средняя арифметическая, геометрическая, квадратичная и другие. Как показывает анализ практического применения различных видов средних при построении интегральных показателей, когда монотонное увеличение отдельного параметра приводит к улучшению его состояния, обобщающий интегральный показатель этого состояния нужно максимизировать. В качестве формы показателя целесообразно рассматривать средний взвешенный геометрический показатель, который может быть записан в виде:

$$I_i = \prod_{j=1}^n (P_{ij})^{\alpha_j} \text{ при этом } \alpha_j \geq 0 \text{ и } \sum_{j=1}^n \alpha_j = 1.$$

Целесообразность применения именно этой формы средней для расчета интегрального показателя развития интеграционных процессов подтверждается положениями аксиоматического подхода (аксиом монотонности, положительной линейной однородности, идентичности и мультипликативности), исследуемыми в теории индексов И. Фишера. С учетом вышесказанного, определение общего интегрального показателя потенциала развития интеграционных процессов имеет следующий вид:

$$IPD = \frac{I_{int_i} + I_{ext_i}}{2}, \quad (3)$$

где IPD_i – общий интегральный показатель потенциала развития интеграционных процессов;

I_{int_i} – внутрирегиональная составляющая потенциала развития интеграционных процессов;

I_{ext_i} – внешняя составляющая потенциала развития интеграционных процессов.

Субиндекс, характеризующий влияние внутрирегиональной составляющей на общий интегральный показатель развития интеграционных процессов, рассчитывается по формуле:

$$I_{int_i} = \sqrt[5]{P_{Xint ra_i} \cdot P_{ITS_i} \cdot P_{Xint raICT_i} \cdot P_{FDI_i} \cdot P_{GDP_i}} \quad (4)$$

Субиндекс, характеризующий влияние внешней составляющей на общий интегральный показатель развития интеграционных процессов, вычисляется по формуле:

$$I_{ext_i} = \sqrt[5]{P_{Xint\ ra S_i} \cdot P_{Pop S_i} \cdot P_{XICT S_i} \cdot P_{FDIS_i} \cdot P_{GDPS_i}} \quad (5)$$

Предложенный индекс ранжируется от 0 до 1, при этом его приближение к 1 указывает на значительный потенциал развития интеграционных процессов. Использование интегрального показателя для комплексного компаративного анализа потенциала развития интеграционных процессов дает возможность учесть интенсивность воздействия многих факторов (как внутренних, так и внешних), что позволяет дать обобщающую комплексную и количественную характеристику процессов экономической интеграции, происходящих в мировом хозяйстве в рамках определенных региональных моделей.

Согласно предложенной методике, был рассчитан интегральный показатель потенциала развития интеграционных процессов для EU, NAFTA, ASEAN и APTA с учетом интенсивности влияния факторов, определяющих внутрирегиональные составляющие потенциала развития интеграционных процессов, а также факторов, которые позволяют оценить внешнюю составляющую потенциала развития интеграционных процессов, определяемых местом интеграционного объединения в мировой экономике. Для расчетов использована статистическая база UNCTAD [38], полученные интегральные показатели потенциала развития интеграционных процессов сведены в таблице 2 приложения и представлены на рис. 1.

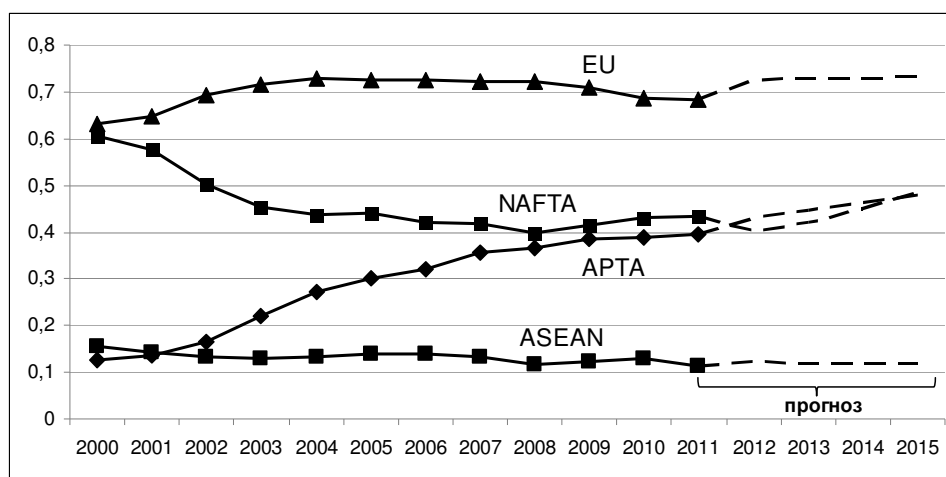
По показателям субиндексов, характеризующих влияние внутрирегиональной составляющей на общий интегральный показатель развития интеграционных процессов, наибольший потенциал имеет EU (за период с 2000 по 2011 года он вырос с 0,61 до 0,72), что еще раз свидетельствует о наивысшем уровне интеграционного взаимодействия, которого достигло объединение по сравнению с другими интеграционными группировками. Для NAFTA показатель субиндекса внутрирегиональной составляющей также достаточно высокий (0,58 в 2011 году), однако он постепенно снижается. Оценка влияния внешней составляющей на общий интегральный показатель развития интеграционных процессов обнаружила, что самый стремительный рост происходит в странах APTA (с 0,23 в 2000 году до 0,642 в 2011 году), которые по показателю субиндекса внешней составляющей потенциала развития интеграционных процессов почти сравнялись с аналогичным показателем, рассчитанным для EU (0,644).

Общая оценка интегрального показателя потенциала развития интеграционных процессов доказывает, что наибольший потенциал, который имеет тенденцию к постепенному увеличению, принадлежит EU (0,68). Несмотря на относительно высокий показатель в NAFTA (0,43), он довольно

стремительно сокращается. Наиболее активное развитие демонстрирует АРТА, где общий интегральный показатель потенциала развития интеграционных процессов в 2000–2011 годы вырос с 0,127 до 0,396.

Рисунок 1

Динамика интегрального показателя потенциала развития интеграционных процессов

Подытоживая, следует отметить, что сегодня в мире не существует единой универсальной модели региональных торговых соглашений, применяемых странами или интеграционными объединениями. В большинстве случаев все чаще применяется комплексный подход к использованию возможностей интеграционных соглашений относительно доступа на новые рынки, расширения инвестиционных возможностей, уменьшения транзакционных расходов, установления единых технических норм и требований, защиты интеллектуальных прав, установления единой конкурентной политики, прозрачности механизма государственного регулирования. Такой комплексный подход в целом способствует углублению интеграционного взаимодействия со странами-партнерами и созданию предполагаемых политических условий, которые влияют на развитие торгово-экономического сотрудничества со всеми регионами в рамках определенного межгосударственного

экономического пространства в формате континентального и трансконтинентального интеграционного сотрудничества.

Мощное влияние на развитие регионализации мировой экономики в условиях дальнейшего формирования мирового глобального пространства обеспечивают наиболее развитые модели региональной интеграции, уже сформированные в мировом хозяйстве, – европейская, североамериканская и азиатско-тихоокеанская. Вовлечение в этот процесс других стран на региональной, континентальной или трансконтинентальной основе путем создания зон свободной торговли и других форм «мягкой» интеграции будет способствовать развитию «нового регионализма» и появлению принципиально новых интеграционных образований, что соответствует уровню международных метарегионов в мировом хозяйстве. С учетом этого, развитие континентальных и трансконтинентальных направлений региональной интеграции, их углубление и расширение являются взаимодополняющими направлениями развития регионализации мировой экономики. Страны мира выбирают собственную стратегию участия в процессах региональной интеграции в зависимости от тех задач, которые определяются их уровнем социально-экономического развития, имеющимся потенциалом, характером развития внешних отношений и т. п. Рассматривая интеграционную составляющую стратегии дальнейшего развития стран мира, следует акцентировать внимание на двух аспектах: во-первых, на особенностях и направлениях углубления интеграционного взаимодействия непосредственно внутри уже существующего интеграционного объединения; во-вторых, на определении по направлениям интеграционной политики в отношении других стран, привлекаемых к взаимодействию в рамках континентальной и трансконтинентальной моделей.

Исследование дальнейшего развития континентальных и трансконтинентальных моделей региональной интеграции является логическим продолжением анализа моделей развития международной экономической интеграции, которая охватывает не только торгово-экономическое сотрудничество, но и другие сферы (в первую очередь, производственную). В то же время, существующие объективные ограничения обусловят исследования развития трансконтинентальной интеграции в части реализации только торгово-экономического сотрудничества, поскольку более глубокие формы интеграции столкнутся с трудностями институционального характера.

Литература

1. Булатова О. В. Региональна складова глобальних інтеграційних процесів : моногр. / О. В. Булатова. – Донецьк : ДонНУ, 2012. – 386 с.
2. Давыдов В. М. На что рассчитывать региону в новом глобальном контексте? / В. М. Давыдов // Латинская Америка. – 2008. – № 3. – С. 4–14.
3. Китинг М. Новый регионализм как возможность [Электронный ресурс] / М. Китинг // Россия в глобальной политике. – 2008. – № 4. – Режим доступа : www.globalaffairs.ru/numbers/33/9979.html.
4. Спартак А. Современный регионализм / А. Спартак // Мировая экономика и международные отношения. – 2011. – № 1. – С. 3–15.
5. Сударев В. П. Латинская Америка в новом геополитическом измерении / В. П. Сударев // Латинская Америка. – 2011. – № 5. – С. 4–17.
6. Чужиков В. Глобальна регіоналістика: історія та сучасна методологія : моногр. / В. Чижиков. – К. : КНЕУ, 2008. – 272 с.
7. Aghion P. Endogenous Growth Theory Philippe Aghion / P. Aghion, P. Howitt, C. García-Peñalosa. – MA : MIT Press, 1998. – 694 p.
8. Balcer A. The Eastern Partnership in the Black Sea Region: towards a New Synergy / A. Balcer. – Warsaw : DemosEUROPA, 2011. – 128 p.
9. Bergsten C. The Future of APEC and Its Core Agenda [Электронный ресурс] / C. Bergsten. – Режим доступа : <http://www.iie.com/publications/papers/paper.cfm?ResearchID=1447>.
10. Cheru F. Transforming our common future: the local dimensions of global reform / F. Cheru // Review of International Political Economy. – 2000. – Vol. 7, No 2. – Pp. 353–368.
11. Enright M. Regional Clusters and Multinational Enterprises: Independence, Dependence, or Interdependence? // International Studies of Management & Organization. – 2000. – Vol. 30, No. 2, Leading-Edge Multinationals and Leading-Edge Clusters. – Pp. 114–138.
12. Fujita M. The Spatial Economy: Cities, Regions and International Trade / Fujita M., Krugman P. R., Venables A. J. – MIT Press, Cambridge MA, 1999. – 640 p.
13. Geddes M. Local partnerships and social exclusion in the European Union: new forms of local social governance? / M. Geddes, J. Benington. – Routledge, 2001. – 254 p.

14. Global Trends 2025: A Transformed World [Электронный ресурс]. – Washington US Government Printing Office, 2008. – 99 p. – Режим доступа : www.dni.gov/nic/NIC_2025_project.html.
15. Hashmi S. M. Towards East Asian Economic Integration [Электронный ресурс] / S. M. Hashmi, Y. T. Lee // European Journal of Economics, Finance and Administrative Sciences. – 2008. – Issue 12. – Pp. 116–122. – Режим доступа : http://www.eurojournals.com/ejefas_12_09.pdf.
16. Hettne B. Globalism and New Regionalism/ Hettne Björn, Inotai András and Sunkel Osvaldo. – New York : Macmillan, 1999. – 308 p.
17. Johansson B. Theories of Endogenous Regional Growth. Lessons for Regional Policies / B. Johansson, Ch. Karlsson, R. Stough. – Berlin : Springer, 2001. – 428 p.
18. Karlsson C. Handbook of research on cluster theory / C. Karlsson. – Edward Elgar Publishing, 2008. – 316 p.
19. Keating M. The political economy of regionalism / M. Keating, J. Loughlin. – Taylor & Francis, 1996. – 504 p.
20. Krugman P. Strategic trade and the new international economics / P. Krugman. – Cambridge, Mass. : MIT Press, 1986. – 313 p.
21. Lucas R. On the mechanics of economic development / R. Lucas, E. Robert // Journal of Monetary Economics. – 1988. – Vol. 22, issue 1. – Pp. 3–42.
22. Mansfield E. The Political Economy of Regionalism / E. Mansfield, H. Milner. – N.-Y. : Columbia University Press, 1997. – 274 p.
23. McGinnis M. Bioregionalism / M. McGinnis. – London:Routledge, 1999. – 231 p.
24. Moffett S. EU and U.S. inch toward talks on free trade area [Электронный ресурс] / S. Moffett. – BRUSSELS, Reuters, 2012 – Режим доступа : <http://in.reuters.com/article/2012/06/20/eu-us-trade-idINL5E8HKJIS20120620>.
25. Petrakos G. Growth, integration, and regional disparities in the European Union / G. Petrakos, A. Rodríguez-Pose, A. Rovolis // Environment and Planning. – 2005. – Vol. 37 (10). – Pp. 1837–1855.
26. Porter M. Clusters and the new economics of competition / M. Porter. – Harvard Business Review. – 1998. – Vol. 76, issue 6. – Pp. 77–90.
27. Rodrik D. The New Global Economy And Developing Countries: Making Openness Work / D. Rodrik. – Wasington D.C. : Overseas Development Council, 1999. – 168 p.

28. Romer P. Endogenous Technological Change / P. Romer // The Journal of Political Economy. – 1990. – Vol. 98, No. 5, part 2 : The Problem of Development: A Conference of the Institute for the Study of Free Enterprise Systems. – Pp. 71–102.
29. Schott J. Free Trade Agreements: US Strategies and Priorities / J. Schott. – Washington, DC Institute for International Economics, 2004. – 472 p.
30. Scott A. J. Regions, globalization, development/ Allen J. Scott and Michael Storper // Regional Studies. – 2003. – Vol. 37 : 6&7. – Pp. 579–593.
31. Siebert H. Locational Competition: A Neglected Paradigm in the International Division of Labour / H. Siebert // The World Economy. – 2006. – Vol. 29, issue 2. – Pp. 137–159.
32. Snooks G. D. Global Transition: A General Theory of Economic Development / G. D. Snooks. – Basingstoke Macmillan, 1999. – 352 p.
33. Storper M. Globalization, Localization and Trade / M. Storper // The Oxford Handbook of Economic Geography / Edited by Gordon L. Clark, Maryann P. Feldman, and Meric S. Gertler. – Oxford (U.K.) : Oxford University Press, 2000. – Pp. 146.
34. Trans-Pacific Partnership (TPP): 13th Round of TPP Negotiations Set for San Diego, California – July 2–10, 2012 [Электронный ресурс] // The Office of the United States Trade [Official website]. – Режим доступа : <http://www.ustr.gov/tpp>.
35. Wannop U. A. The Regional Imperative: Regional Planning and Governance in Britain, Europe and the United States / U. A. Wannop. – London : Jessica Kingsley, 1995. – 441 p.
36. Wong M.-H. ASEAN Competitiveness Report 2010 [Электронный ресурс] / Wong M.-H., R. Shankar, R. Toh; Foreword by Michael E. Porter. – Asia Competitiveness Institute, 2011. – 88 p. – Режим доступа : www.spp.nus.edu.sg/ACI/home.aspx.
37. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://rtais.wto.org/> – Regional Trade Agreements Information System. WTO [Official website].
38. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://unctad.org> – United Nations Conference on Trade and Development [Official website].

Приложение

Таблица 1

Результаты корреляционно-регрессионного анализа развития внутрирегиональной торговли (X_{intra}) EU, NAFTA, ASEAN, АРТА

EU

Факторы	Коэффициенты регрессии	Коэффициенты эластичности
ВВП на душу населения, млн долл. США	130,2647	1,305492
ICT экспорт, млн долл. США	1,961292	0,152931
ПИИ (приток), млн долл. США	-0,14551	-0,277184
Численность населения, тыс. человек	29,04114	5,180026
$R^2 = 0,9743$		
$X_{intra} = 130,26*GDP + 1,96*X_{ICT} - 0,15*FDI + 29,04*Pop - 1483424,58$		

NAFTA

Факторы	Коэффициенты регрессии	Коэффициенты эластичности
ВВП на душу населения, млн долл. США	52,40168	2,119695
ICT экспорт, млн долл. США	5,186308	0,560561
ПИИ (приток), млн долл. США	-0,03817	-0,16249
Численность населения, тыс. человек	-6,20109	-3,34038
$R^2 = 0,9725$		
$X_{intra} = 52,4*GDP + 5,19*X_{ICT} - 0,04*FDI - 6,2*Pop + 1494523,34$		

ASEAN

Факторы	Коэффициенты регрессии	Коэффициенты эластичности
ВВП на душу населения, млн долл. США	161,0476	1,82068
ICT экспорт, млн долл. США	1,951287	0,492421
ПИИ (приток), млн долл. США	-0,24749	-0,76421
Численность населения, тыс. человек	0,035534	0,112483
$R^2 = 0,9941$		
$X_{intra} = 161,05*GDP + 1,95*X_{ICT} - 0,25*FDI + 0,04*Pop - 117405,82$		

АРТА

Факторы	Коэффициенты регрессии	Коэффициенты эластичности
ВВП на душу населения, млн долл. США	79,12081	0,991164
ИСТ экспорт, млн долл. США	3,253449	0,690553
ПИИ (приток), млн долл. США	-0,04201	-0,14778
Численность населения, тыс. человек	-0,29826	-5,20732
$R^2 = 0,9948$		
$X_{intra} = 79,12 * GDP + 3,25 * X_{ICT} - 0,04 * FDI - 0,3 * Pop + 709704,6$		

Таблица 2

Интегральные показатели потенциала развития интеграционных процессов

Годы	Общий интегральный показатель потенциала развития интеграционных процессов				Внутрирегиональная составляющая потенциала развития интеграционных процессов				Внешняя составляющая потенциала развития интеграционных процессов			
	АРТА	ASEAN	EU	NAFTA	АРТА	ASEAN	EU	NAFTA	АРТА	ASEAN	EU	NAFTA
2000	0,1268	0,1549	0,6305	0,6057	0,0183	0,2294	0,6074	0,6341	0,2353	0,0804	0,6535	0,5772
2001	0,1361	0,1440	0,6471	0,5763	0,0290	0,2234	0,6238	0,6140	0,2431	0,0645	0,6704	0,5385
2002	0,1645	0,1335	0,6926	0,5008	0,0674	0,2251	0,6785	0,5884	0,2617	0,0418	0,7066	0,4132
2003	0,2192	0,1287	0,7159	0,4529	0,0914	0,2270	0,7013	0,5679	0,3470	0,0304	0,7305	0,3380
2004	0,2725	0,1336	0,7289	0,4362	0,1076	0,2245	0,7143	0,5548	0,4374	0,0427	0,7435	0,3177
2005	0,3015	0,1392	0,7243	0,4395	0,1097	0,2272	0,7106	0,5554	0,4934	0,0513	0,7380	0,3236
2006	0,3200	0,1407	0,7241	0,4216	0,1075	0,2263	0,7111	0,5261	0,5325	0,0550	0,7372	0,3170
2007	0,3559	0,1327	0,7210	0,4180	0,1394	0,2274	0,7274	0,5307	0,5725	0,0380	0,7146	0,3053
2008	0,3671	0,1181	0,7230	0,3968	0,1487	0,2121	0,7373	0,5157	0,5855	0,0240	0,7087	0,2779
2009	0,3849	0,1218	0,7098	0,4145	0,1495	0,2107	0,7261	0,5372	0,6203	0,0328	0,6935	0,2918
2010	0,3898	0,1298	0,6881	0,4298	0,1487	0,2224	0,7156	0,5671	0,6310	0,0373	0,6607	0,2924
2011	0,3956	0,1144	0,6830	0,4337	0,1490	0,1975	0,7220	0,5813	0,6423	0,0313	0,6440	0,2861

Статья поступила в редакцию 25 августа 2014 г.